

Э.В. Ртвеладзе

راه آورد **В.А. Лившицу.**
**Неизвестные и малоизвестные бактрийские надписи
из северной Бактрии**

В данной статье публикуется несколько малоизвестных и вовсе неизвестных надписей бактрийской письменности на бактрийском же языке. Они были найдены на ряде археологических памятников, расположенных в Сурхандарьинской области Узбекистана. Эти надписи представляют большой интерес, поскольку в них встречаются слова до сих пор не зафиксированные в бактрийской лексике.

В истории познания исторического прошлого Средней Азии личность Владимира Ароновича Лившица занимает исключительное по своей значимости место.

Будучи филологом по своему базовому образованию и призванию, он внес огромный вклад в изучение династической истории, религии, хронологии, календарных систем всех без исключения историко-культурных областей Средней Азии, древних и раннесредневековых государств и государственных образований этого обширного региона.

Особо фундаментален его вклад в познание нумизматики, в особенности бухарской, хорезмийской, согдийской, тохаристанской, чачской. Многие из легенд на монетах этих областей впервые прочитаны и интерпретированы В.А. Лившицем, или им же исправлены прежние прочтения этих легенд. В результате этого историки получили в свое распоряжение первоклассный источник прежде совершенно не известных сведений, а если и известных, то приведенных в письменных источниках с искажениями. Классический пример этому — список хорезмийских царей из династии Вазамаридов (Афригидов), приведенный Абу Райханом Беруни, исправленный и дополненный В.А. Лившицем благодаря прочтенным им древнехорезмийским легендам на монетах.

Не говоря уже о том, сколь выдающееся значение имеют исследования В.А. Лившица в области бактрийской, согдийской, парфянской и хорезмийской письменностей и языков.

Словом, можно с чистой совестью сказать, что если бы не работы В.А. Лившица, многие области исторического прошлого Средней Азии пребывали бы еще долгое время в эмбриональном состоянии.

Автора этих строк связывает с В.А. Лившицем большая и многолетняя (более полувека!) дружба, закреплённая совместной работой и обширной перепиской. Мы познакомились в 1962 г. в гостеприимном доме Виктории Долинской, известного

ташкентского искусствоведа, у которой я остановился на время своих вступительных экзаменов в ТашГУ. Владимир Аронович сразу поразил меня живостью своего характера и остротой ума. И хотя в ту пору я был даже не студентом, а абитуриентом, только-только познававшим археологию Средней Азии, а он — маститым, известным всему миру ученым, общались мы с ним как равные коллеги. Столь прост и тактичен В.А. Лившиц был в общении.

Впоследствии он не раз бывал у меня дома, хорошо знает мою супругу Лидию Букиннич (Ртвеладзе), а моих трех детей знает чуть ли не с самого их рождения.

Начало нашей регулярной переписке было положено находками монет на Ханабдтепа, которое я копал в начале 70-х гг. прошлого века. Это были первые монеты с территории Чача, так как чачские монеты, выделенные и изученные Ольгой Ивановой Смирновой, происходили из Пенджикента.

Именно по письмам В.А. Лившица я познавал азы согдийской, а впоследствии бактрийской эпиграфики, когда мы приступили к изучению легенд на раннесредневековых монетах Чаганиана и бактрийской монументальной надписи из Айртама. В моем архиве хранятся десятки писем (некоторые из них составляют более 50 страниц!) В.А. Лившица, которые представляют большой интерес для изучения истории, нумизматики и эпиграфики Средней Азии, заключая в себе важнейшие, порой неопубликованные данные о древних письменностях Средней Азии, переводы и интерпретации надписей, суждения и выводы В.А. Лившица. Полагаю, эти письма должны быть непременно изданы отдельной книгой.

В данной статье публикуются совершенно неизвестные и малоизвестные бактрийские надписи, найденные на ряде городищ Северной Бактрии, исключительно в Сурхандарьинской области Узбекистана, некоторые из которых к тому же содержат слова доселе неизвестные в бактрийском языке. Их публикация тем самым, независимо от верности моей интерпретации, имеет немаловажное значение, и не только с филологической точки зрения.

В одной из согдийских надписей, прочитанных В.А. Лившицем, содержится пожелание 160 счастливых лет некоему Алимхану Аббасу — этой надписи около 1000 лет. 160 счастливых лет и Вам, Владимир Аронович, и бессмертье Вашему научному вкладу!

Дальварзинтепа: Значение бактрийского слова MANO.

Слово MANO было зафиксировано в нескольких бактрийских надписях, к примеру, в Большой Сурхкотальской и Дильберджинской. В первой слово MANO приведено, в частности, в последней девятой строке: ОТО ЕПО MANO NOBIXTO AMO MIYRAMANO AMO BOPZOMIYPO ПОУРО. Перевод этого предложения не сразу стал ясным. Так, И. Гершевич интерпретировал его как «И написал Ийуман вместе с (также) Михраманом вместе с Бурзмихрпухром». Он считал ЕПОМАНО именем собственным — Ийуман (Gershevitch, 1966, p. 108). Этот перевод И. Гершевича широко вошел в ряд исторических исследований¹.

В. Хеннинг также считал ЕПОМАНО одним словом, но иного значения — «единодушный» из авестийского aēvōmanuh (Henning, 1960, p. 51). В свою очередь, Х. Хумбах

¹ См., к примеру: Ставиский, 1978.

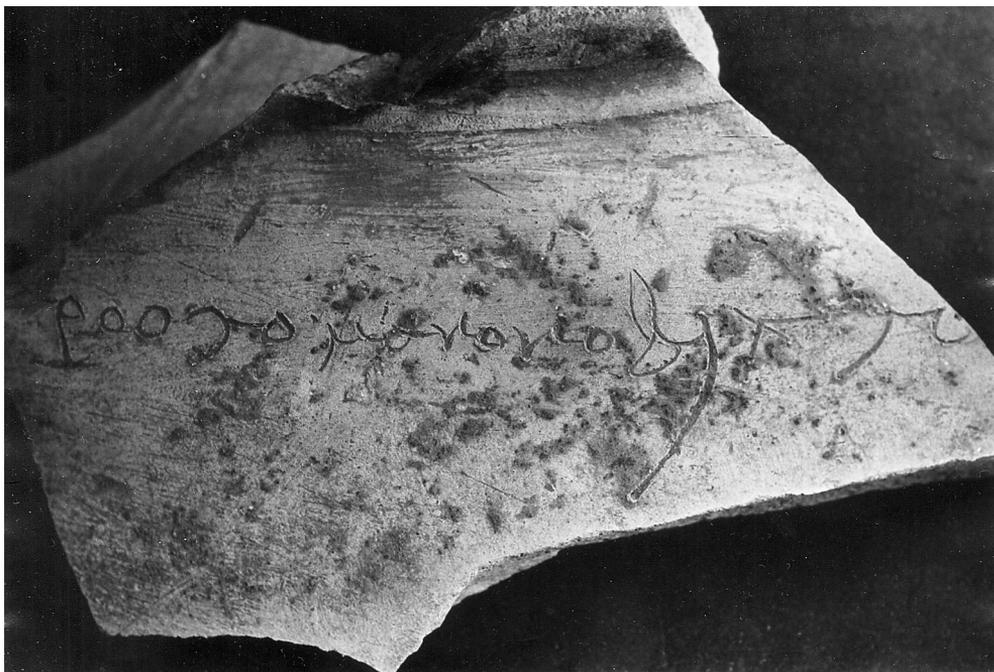
полагал, что ЕΠΟΜΑΝΟ в БСН означает: «это мною [Михраманом...] написано», определяя ΜΑΝΟ как личное местоимение (Хумбах, 1972, с. 127). Свой вклад в понимание этого предложения внес Н. Симс-Уильямс, показавший, что ΜΙΥΡΑΜΑΝΟ и ΒΟΡΖΟΜΙΥΡΟ следует понимать как имя отца и сына, а ΑΜΟ как предлог: «с Михраманом сыном (ΠΟΥΡΟ) Бурзмихра» (Sims-Williams, 1973, р. 99).

Позднее В.А. Лившиц убедительно показал, что пора расстаться с идеей о написании Большой сурхкотальской надписи несколькими лицами (т. е. Ийуманом, Михраманом и Бурзмихром), автором которой на самом деле являлся один человек — Михраман, сын Бурзмихра. Тем самым необходимость видеть в сочетании ЕΠΟΜΑΝΟ имя собственное отпала сама собой.

В.А. Лившиц посвятил семантике слова ΜΑΝΟ специальный пассаж в связи с находкой большой бактрийской надписи на каменной плите на городище Дильберджин в Северном Афганистане (Лившиц, Кругликова, 1979, с. 110–111). В этой надписи данное слово имеется в седьмой и одиннадцатой строках:

...ΧΟ ΤΑΔΙ ΜΑΝΟ ΝΙΝΔΙΡΑΤΟ Α[Σ]ΙΔΙ ΙΘΑ ΑΓΔΙΝΔΙ [Φ]ΡΗ

Подробно проанализировав все варианты слова ΜΑΝΟ в древнеиранских языках, В.А. Лившиц пришел к выводу, что в Большой Сурхкотальской надписи сочетание ΕΠΟ ΜΑΝΟ ΝΟΒΙΧΤΟ указывает на то, что ΜΑΝΟ может обозначать 1) саму надпись, 2) стелу или плиту известняка, на которой была нанесена надпись или 3) здание, в стену которого эта плита была вмонтирована. «Если ΜΑΝΟ в ΚΙ, — пишет он далее, — является тем же словом, что ΜΑΝΟ в Дильберджинской надписи, то последнее предположение кажется наиболее вероятным».

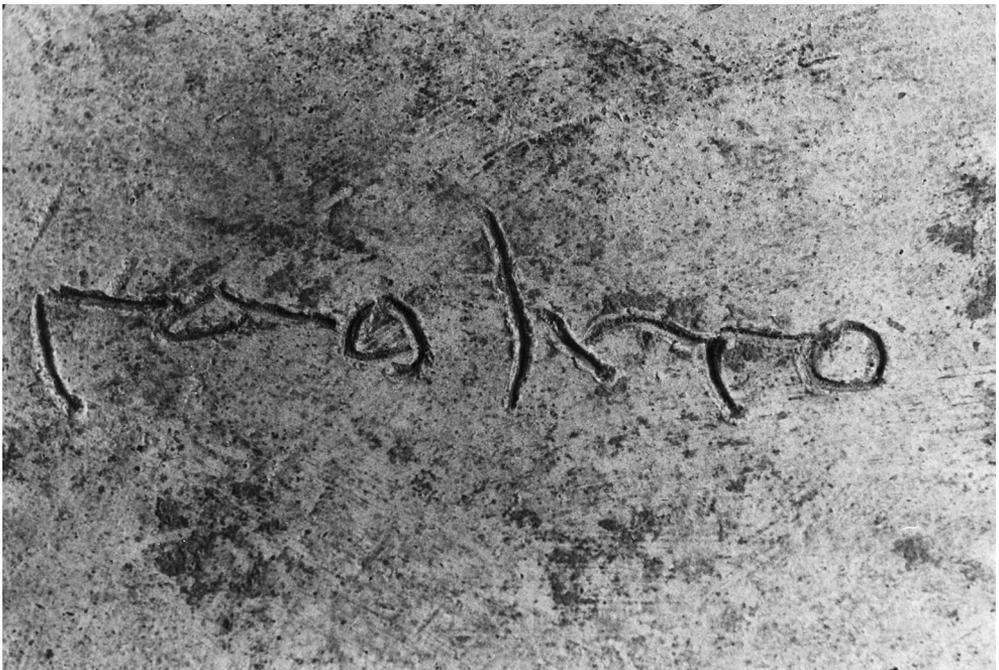
Илл. 1. Бактрийская курсивная надпись из Дальверзин-тепа

В соответствии с этим В.А. Лившиц перевел одиннадцатую строку Дильберджинской надписи как «...Затем здание осело, поэтому колоны рухнули» (Лившиц, Кругликова, 1979, с. 108–111). В.А. Лившиц был первым из исследователей, указавших на возможную трактовку MANO как слова, связанного с обозначением самих надписей, какого бы содержания они ни были.

Именно к такому пониманию MANO приводит анализ краткой бактрийской надписи, обнаруженной во второй половине 80-х гг. на городище Дальверзин-тепа. Надпись, выполненная изящным бактрийским курсивом, была вырезана до обжига под венчиком большого сосуда — хума и, видимо, опоясывала весь сосуд. Сохранилась только часть надписи: [- - -]ро ото *mano* воѳхто[- - -]. Очевидно, слово MANO не может обозначать понятие, связанное со строением, т. к. надпись нанесена на глиняный сосуд, но может обозначать само понятие «надпись» или «текст». Таким образом, выражение *mano* воѳхто, после которого обычно следует имя человека, выполнившего его, служит как бы подписью-подтверждением того, что им написано. Если это так, то и заключительное предложение в Большой сурхкотальской надписи должно переводиться как «и этот текст написал (составил) Михраман, сын Бурзмихра».

Gao — слово или компонент какого-то слова

Во второй половине 80-х гг. прошлого века на городище Дальверзин-тепа, расположенном в Сурхандарьинской области Узбекистана, был найден фрагмент тулова толсто-стенного хумчи. На его поверхности до обжига была вырезана курсивная бактрийская

Илл. 2. Надпись на хуме из Дальверзин-тепа

надпись. В отличие от другой надписи на хуме, также найденной на Дальверзин-тепа (см. выше), эта надпись выполнена более крупными буквами и менее изящным почерком.

Сохранившаяся часть надписи выполнена в одну строку:

γαο ητ/γο

Возможно, это два самостоятельных слова, которыми завершалась надпись (перед γαο до облома черепка имеется свободное поле, как и после ητ/γο и между ними). Не исключено, однако, и то, что это одно слово или словосочетание.

Рассмотрим первое из них. Слово γαο может отражать др.-иран. *gāw- «бык, корова». Х. Бартоломэ переводил авест. *gao-dana-* как «сосуд для молока» (Bartholomae, 1961, Sp. 481). Возможно, надпись на хумчи из Дальварзинтепа имела сходное значение.

γαο как компонент отмечено в слове φαογαο в надписи на гемме № 16, опубликованной А. Каннингемом, который трактовал γαο как «одно из древнеавестийских названий “земля”», а в слове φαογαο видел некую «царицу земли» (Лившиц, 1969, с. 59). Детальный анализ этой надписи был приведен В.А. Лившицем, считавшим φαογαο именем собственным *Fšū-gaw* — «нуждающийся в скоте» (Лившиц, 1969, с. 59)².

Сейчас говорить доподлинно о содержании надписи на хумче из Дальверзин-тепа сложно, но ее значение несомненно. Это, насколько нам известно, всего второй случай фиксации слова γαο в бактрийских надписях. Теперь оно засвидетельствовано и в бактрийских текстах из коллекции Халили, изданных Н. Симс-Вильямсом (γαο, γαοι: Sims-Williams, 2007, p. 206).

Остракон с бактрийской курсивной надписью из буддийского храма

При раскопках буддийского храма, расположенного на Дальверзин-тепа, в начале 90-х гг. прошлого века Б.А. Тургуновым было найдено несколько остраконов с бактрийскими курсивными надписями. Надписи, выполненные черной тушью по светлому ангобу, плохо сохранились, но одна из них все же поддается чтению. Надпись двухстрочная:

1. ...γο βαγα κίδο γ...

2. μαο

Перевод:

1. ... (?) бог, который (?)

2. Маο

Размер сохранившегося фрагмента — 13×9,2 см.

Обращает на себя внимание, что слово μαο, передающее, по-видимому, имя весьма популярного в Бактрии лунного божества, выделено отдельной строкой (без предшествующих и последующих ему слов). Возможно, тем самым подчеркивалась значимость этого божества в местном социуме. На первый взгляд, присутствие в буддийском храме остракона с именем зороастрийского божества кажется несколько некорректным. Однако, судя по росписи буддийского монастыря Фаязтепа, в которой рядом с центральной фигурой Будды изображено зороастрийское божество *Frn* (бактр. *Фарро*), что подтверждается хорошо сохранившейся надписью за его головой,

² [Иначе — Sims-Williams, 2010, 158. — *Ред.*].

Илл. 3. Остракон с бактрийской курсивной надписью из храма Дальверзин-тепа

это было возможным и допустимым. Можно предположить, что определенные зороастрийские божества почитались здесь как бодхисатвы.

Примечательно и то, что все остраконы плоской формы и имеют четкие прямоугольные сколы. Возможно, найденные фрагменты являлись вовсе не черепками сосудов, а частью votивных плиток с посвященными надписями.

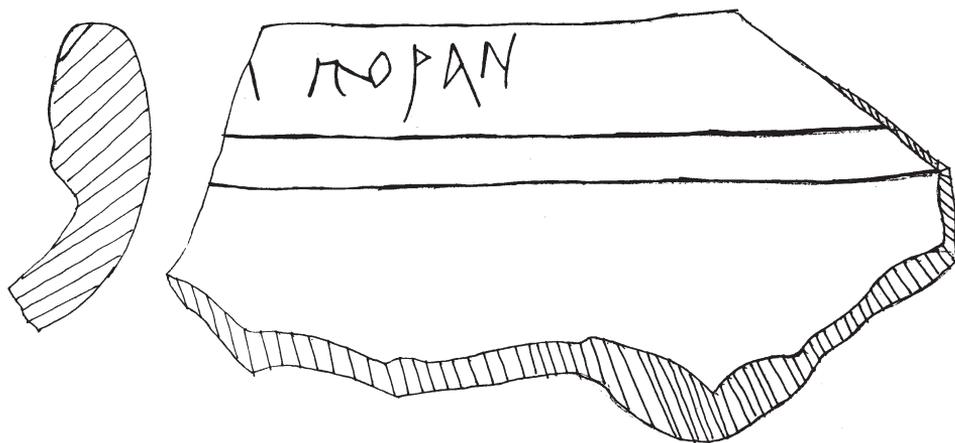
Кампыртепа. Этноним «кушан» в бактрийской надписи на хуме

В 2001 г. в юго-восточном углу акрополя Кампыртепа, в самом верхнем слое, датированном первой половиной II в. н.э., при раскопках автора был найден фрагмент венчика толстостенного хума, покрытого красным ангобом. На фрагменте сохранилась часть некогда нанесенной на поверхности хума бактрийской надписи: последнее слово, состоящее из пяти букв, и часть последней буквы предшествующего слова (возможно, *iota*)³.

Первая буква в последнем слове, вероятнее всего, — *kan*, хотя боковой ствол незначительно поднят над самой буквой, что делает ее похожей на *ni*. Вторая буква, несомненно, *omikron*, третья — *san* или *ro*, четвертая — *alpha*, пятая — *ny*.

Возможно несколько вариантов чтения этого слова: в варианте с начальной *ni* — *torav* или *torav*; в варианте с начальной *kan* — *korav* («народ») или *korav* («кушан»). Я склоняюсь ко второму варианту, так как у левого ствола первой буквы заметен небольшой выступ, а от правого ствола ко второй букве (*omikron*) прочерчена

³ О первой публикации надписи см.: Ртвеладзе, 2002а. С. 103.

Илл. 4. Надпись из Кампыр-тепе. Прорисовка

Илл. 5. Надпись из Кампыр-тепе. Фотография

косая линия. Это позволяет считать первую букву *кантой* и, следовательно, читать слово как «кушан».

В легендах на монетах слово «кушан» всегда стоит после титула и имени того или иного царя, как к примеру: βασιλεως κανηρκι κοραν. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что в бактрийской надписи на хуме перед словом *κοραν* было проставлено личное имя царя, оканчивающееся на *иоту*. Известны два имени

кушанских царей, написание которых в родительном падеже дает конечную *иоту*, — это $\kappa\alpha\upsilon\eta\rho\kappa\iota$ и $\sigma\eta\rho\kappa\iota$. В нашем случае было указано скорее имя Канишки, а не Хувишки, поскольку городище Кампыртепа было покинуто жителями после разрушительного землетрясения и последовавшего за ним наводнения в середине правления царя Канишки, в конце первой половины II в. н.э., в результате которого южная половина акрополя была смыта Оксом (Амударьей), что точно установлено работами Тохаристанской экспедиции (Ртвеладзе, 2006, с. 3–8, рис. 4: Тектонический шов).

Курсивная бактрийская надпись на сосуде

В 1982 г. на поверхности холма, расположенного в восточной части городища Кампыртепа, мною был найден фрагмент сосуда с курсивной бактрийской надписью. После раскопок этого холма, получившего шифр КТ-1, выяснилось, что в кушанское время здесь находилось здание, по-видимому, специального назначения, с библиотекой или архивом, на полу которого было обнаружено множество фрагментов бактрийских рукописей из папируса.

Найденный фрагмент сосуда был опубликован мною в 1984 г., с фотографией и первичной транскрипцией надписи (Ртвеладзе, 1984, с. 87–106). Позже в 1994 г. эта транскрипция была мной пересмотрена и предложена новая (Rtveladze, 1994, p. 141–154). К сожалению, никто из специалистов не попытался прочесть эту надпись, а между тем, она представляет, по моему мнению, определенный интерес.

Надпись двухстрочная, нанесена черной тушью, и, по-видимому, опоясывала все тулово небольшого сосуда, покрытого светло-желтоватым ангобом. Выполнена она бактрийским курсивом, отличительным признаком которого является округлая форма букв и их слитное написание. В конце каждой строки имеются разделительные знаки, по-видимому, отделяющие одно предложение от другого. В первой строке — это две вертикальные палочки с двумя горизонтальными перекладинами снизу и сверху, подобно латинской цифре — II, во второй — круг с точкой внутри и отходящими от него косыми черточками.

Надпись транскрибируется следующим образом:

1. [- - -]σαρ II αβο ιανδογιο[- - -]
2. Ὀ[- - -]γο μ αβο κιδρο γ[- - -]

Перевод первой строки:

1. ...(?). Индийская вода.

По-видимому, надпись указывала на содержимое сосуда — «индийская вода», возможно, духи (ср. eau de Cologne — «Кельнская вода»).

Вообще, слово $\iota\upsilon\delta\omicron$ — «Индия» отмечено только в одной из известных сейчас бактрийских надписей — в четвертой, седьмой и девятнадцатой строках надписи из Рабатака (Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 78). Правда, в этой надписи после *иоты* стоит *ипсилон*, тогда как в надписи на сосуде — *альфа*. Эти различия, как было отмечено выше, могли обуславливаться как самой бактрийской грамматикой (в Рабатакской надписи слово $\iota\upsilon\delta\omicron$ употреблено в качестве существительного, тогда как в надписи из Кампыртепа в качестве прилагательного), так и диалектным различием в языке Южной и Северной Бактрии (население первой больше «акало», второй — «окало»). К тому же, бактрийские писцы не всегда строго придерживались правил

Илл. 6. Курсивная надпись из Кампыртепе

правописания, передавая одно и то же слово по-разному, к примеру: обо — оти = обі («и») (Тургунов, Лившиц, Ртвеладзе, 1981, с. 48).

Предложенный мной перевод реален, но не окончателен. Учитывая, что в бактрийском языке слово *або* может обозначать (в зависимости от контекста, коего мы лишены) и предлог «в», и имя существительное «вода», выражение *або іаvдоуіо* может переводиться и как «в индиго» (индиго — синий краситель, впервые полученный в Индии). Таким образом, какой бы вариант ни оказался верным, неоспоримо одно — бактрийская надпись из Кампыртепе впервые фиксирует наличие товара индийского происхождения в Бактрии, доставленного сюда по Великому индийскому пути, охарактеризованному в недавно вышедшей моей монографии (Ртвеладзе, 2012).

Культепа. Бактрийская надпись на хуме с именем неизвестного царя (?) из Чаганиана

В мае 2001 г. во вновь созданный Музей археологии в Термезе поступил комплекс предметов (терракоты, печать, керамика), найденных на городище Джоильма (Культепа). Это городище расположено на левом берегу Кызылсая, вблизи северо-восточной окраины г. Шурчи в Сурхандарьинской области Узбекистана, в историко-культурной области Чаганиана.

Впервые данное городище было обследовано Узбекстанской искусствоведческой экспедицией во второй половине 60-х гг. XX в., а Г.А. Пугаченковой был опубликован комплекс терракот, найденных на нем, причем время существования городища Джоильма было датировано кушанским временем (Пугаченкова, 1968; Пугаченкова, 1973, с. 107–109, 115–118). Несколько позднее, в середине 1970-х гг., автором настоящей статьи были определены размеры городища и мощность культурного слоя, достигающего в нескольких местах 12–14 м. Тогда же им был заложен стратиграфический шурф на одном из участков городища и определено по находкам подражаний монетам Васудевы в верхних слоях шурфа время прекращения жизни на данном участке в IV–V вв. н.э. (Ртвеладзе, 1974, с. 80), хотя в других местах городище обживалось и позднее.

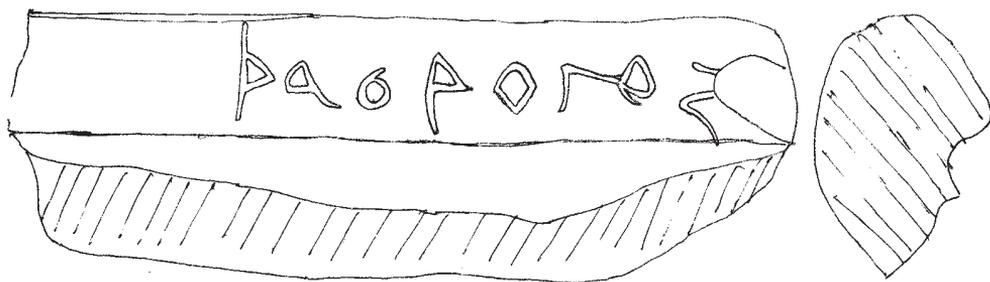
Городище почти полностью распахано и занято под поля или жилые постройки. Состоит из небольшого бугра, где мощность культурного слоя достигает 14 м, на расстоянии одного километра от которого на юг и восток встречаются фрагменты керамики и другие предметы. Общие хронологические рамки обживания городища — I в. до н.э. — IV в. н.э.

Среди переданных в Термезский музей археологии предметов особый интерес представляет собой фрагмент венчика хума с процарапанной до обжига бактрийской надписью⁴.

Начертание букв надписи смешанного характера, где монументальной формы буквы сочетаются с курсивными. К примеру, начертание *сан* и *ро* подобны начертанию их в сурхкотальской, рабатакской и айртамской надписях с вытянутой вверх вертикальной чертой для *сан* и прямоугольного, а не округлого очертания правой части в обеих буквах. *Гамма* соединена с *омикроном*, такого рода соединения двух этих букв встречается и в сурхкотальской надписи царя Канишки, к примеру, в слове «Вадо».

Собственно, курсивный характер носят две буквы — *альфа* в первом слове и *дзета* во втором. Начертания *омикрона*, встречающегося в надписи три раза, неустойчивы — округлой формы буквы чередуются с геометрической передачей *омикрона*. Венчик хума, на котором имеется надпись, треугольный в сечении с округлой верхней частью и заостренным нижним краем. Под венчиком проходит заостренный канелированный валик, опоясывающий, видимо, весь сосуд. Такого рода валик у венчика хумов встречается уже в четко зафиксированном керамическом комплексе времени Канишки в блоке-10 на Кампыртепа, однако у них более округлый сам венчик (Болелов, 2002, с. 43, рис. 2, 22–24). Такого рода сочетания признаков — смешанного

⁴ Первая публикация — Ртвеладзе, 2002а. С. 103, рис. 18.

Илл. 7. Надпись из Культепа

характера начертания букв, свойственных как монументальному, так и курсивному письму, и форма венчика хума позволяет датировать надпись II–III вв. н.э., при этом отдавая предпочтение III в. н.э.

Сама же надпись состоит из двух слов в сохранившейся ее части. Первое полностью сохранившееся слово — это хорошо известный титул *rao* — царь, зафиксированный во многих легендах на монетах и некоторых эпиграфических памятниках кушанского времени.

Второе слово *rogoz* [- - -], от которого осталось пять букв, до сих пор не было ни в одной бактрийской надписи. Не исключено, что это личное имя, подобное некоторым известным нам из бактрийской ономастики именам, в которых присутствует буква *dzeta*.

Отмечено два таких имени. Первое из них — Ноконзок — имя кушанского знатного лица, носившего титул *karalrayuo* — ‘начальник пограничной области’, т. е. маркграф. Оно зафиксировано в надписях из Южной Бактрии — в Сурх-Котале и Рабатаке (Стеблин-Каменский, 1981, с. 333–334; Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 80).

Второе имя царя Гобозико или Гобозоко зафиксировано в легендах на подражаниях монет Варахрана V (392–399 гг. н.э.), опубликованных Р. Геблем (Göbl, 1967) и Б.И. Вайнбергом (Вайнберг, 1972). Судя по находкам этих монет в районе Термеза, т. е. в Северной Бактрии, Гобозико был царем расположенной здесь небольшой области.

В эпиграфических надписях и, в особенности, в легендах на монетах порядок слов, как правило, неизменен — вначале титул, затем личное имя и родовое прозвище, как, к примеру, *rao kanjrk koravo* — «царя Канишки Кушана».

Поэтому не исключено, что в сохранившейся части бактрийской надписи на хуме из Джоильмы переданы титул и личное имя: *rao rogoz*[ико или -око] — «царь (царя) Рогозико (-око)».

Возможно, Рогоз[ико] или Рогоз[око] был царем небольшого владения, образовавшегося на территории античного Чаганиана после падения Кушанского государства, или царем этой области, наделенным особым статусом в пору существования Кушанского государства, происходившего из правящей кушанской династии. Это не противоречит археологической датировке подобного рода хумов — II–III вв. н.э. и особенностей начертания букв в надписи, также указывающих на эту датировку.

На особое значение области Чаганиан в кушанское время указывает, в частности, дворец — династийный храм в Халчаяне со скульптурными рельефами, отражающими восхождение кушан-юечжей к власти и триумф победы над врагами. Это мое предположение вовсе не означает, что слово *rogoz*[ико] не могло иметь и иное значение,

которое предстоит еще выяснить, учитывая недостаточность словарного фонда бактрийской лексики.

Однако возможен и иной вариант чтения этой замечательной надписи. П.Б. Лурье, в частности, предлагает чтение ее как $\text{ṛaoro } \gamma\text{ō}\zeta$ (бактр. ṛaoro , $\text{ṛa}^{\text{w}}\text{oro}$, ṛaro — «город, область»). В таком случае надпись на венчике сосуда из Культепа отражает название города или области $\gamma\text{ō}\zeta$.

Слово «Гоз» широко встречается в топонимике юга Узбекистана что не удивительно, поскольку в древнеиранских языках оно означает «тамариск». Тамариск широко распространен в предгорьях и среднегорьях юга Средней Азии, а также в долинах рек. Заросли тамариска образуют здесь целые «рощи», причем в ряде мест высота тамариска достигает 3–4 м.

В культовых обрядах народов Южного Узбекистана, по-видимому, домусульманского происхождения, тамариск играл важную роль — от изготовления священных посохов *хасса* до обрядов, связанных с лечебной магией и почитанием огня⁵. По мнению И.М. Стеблин-Каменского, священный предмет зороастрийцев — барс-ам, применявшийся в обрядах, связанных с почитанием огня, также делался из прутьев тамариска⁶.

В древней топонимике юга Средней Азии топоним *Гоз*, *Газ*, *Гозбон* встречается уже со времени походов Александра Македонского в Бактрию, Согдиану и Уструшану (329–327 гг. до н.э.). Так, один из своих походов Александр совершил в область Газабу = Габазу, локализации которой я посвятил специальный раздел в своей книге «Александр Македонский в Бактрии и Согдиане»⁷. Основываясь на последовательности маршрутов походов Александра Македонского в Южном Согде и Северной Бактрии, археологических данных и наличии топонимов, отражающих название Гоз, Газ, в частности, местности Газбон в районе кишлака Дехканабад, отмеченной полковником Н.А. Маевым в конце 70-х гг. XIX в., я локализовал область Газаба = Габаза в горах Кугитанга от Дехканабада на севере до Амударьи на юге. Название Гоз, Газ закреплено здесь за реками (Гоз-су — «река тамариска»), кишлаками, отдельными местностями и горами.

Топоним Газ встречается и в других районах юга Средней Азии. Например, город Газа в Уструшане, который штурмовали войска Александра Македонского. Его название происходит, вероятнее всего, так же от названия тамариска ($\gamma\text{ō}\zeta$).

Вообще топонимы, происходящие от названия определенных видов растений, широко бытовали в древности и многие из них сохранились в современной топонимике юга Средней Азии (Маргиана, Маргузар, Чилонзар и т.п.). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в бактрийской надписи на венчике хума из Культепа могло быть проставлено название города кушанского времени, находившегося на месте этого городища. Не исключено однако и то, что $\text{ṛaoro } \gamma\text{ō}\zeta$ — «Страной тамариска» мог называться в то время весь обширный географический район от предгорьев Байсуна (Миршаде) до современного города Шурчи, прорезанного сетью рек, берега которых и сейчас покрыты густыми зарослями этого красивого кустарника, цветы которого, согласно народным поверьям, отпугивают злых духов.

⁵ Ртвеладзе, Устаев 2004. С. 178–183.

⁶ Стеблин-Каменский 1974. С. 140.

⁷ Ртвеладзе 2002. С. 117–128.

Фаязтепа. Надпись на каменной плите

В экспозиции Национального музея истории Узбекистана в одной из витрин отдела эпохи эллинизма и античности выставлен фрагмент плиты из органогенного известняка (длина — 15 см, ширина — 10 см).⁸ На нем имеется бактрийская надпись монументальным письмом. Первоначально эта надпись, как и сама плита, была, вероятно, довольно большой, но до нас дошла только ее незначительная часть — всего четыре строки, причем сохранность строк также весьма незначительна: если в первой и второй строках сохранилось по одному слову, то в третьей и четвертой строках — две и одна буквы соответственно.

1. εἰδὶ α (?)...
2. εμβο ι (?)...
3. σα (?)...
4. γ...

По всей вероятности на фрагменте сохранилось начало надписи. На это указывает, в частности, указательное местоимение εἰδὶ — «это, этот», стоящее обычно в начале надписи, возвещавшей, к примеру, о строительстве какого-либо сооружения (ср. надпись из Сурх-Котала: «εἶδο μαλιζο...» — «этот акрополь...»⁹). Возможно, так же как и в Сурхкотальской надписи, после слова εἰδὶ (= εἶδο) следовало название буддийского монастыря Фаязтепа, который, как установил сейчас Ж. Фюссман, назывался «Белая лошадь».¹⁰

Илл. 8. Надпись из Фаяз-тепа

Обращает на себя внимание наличие в данной надписи слова εμβο, являющегося по всей вероятности частью или сокращенной формой хорошо известного греческого термина εμβόλιμος («вводный, дополнительный»), применявшегося в сочетании с названием македонского месяца. Не исключено, что в конце первой и начале второй строки надписи из Фаязтепа указывались год и месяц строительства монастыря.

Употребление термина εμβόλιμος зафиксировано на территории соседней с Бактрией Парфии. В частности, на парфянских тетрадрахмах Орода II (58–39 гг. до н.э.), Фраата IV (40–3 гг. до н.э.), Орода III (4–7 гг. н.э.), Готарза II (43–50 гг. н.э.), Вологеза I (50–76 гг. н.э.), Вардана II и Вологеза II (77–78 гг. н.э.) (даты правления парфянских царей даны по Э. Бикерману. См.: Э. Бикерман Хронология древнего мира. М., 1975. С. 196–197).¹¹ Имеется пример и более позднего употребления слова εμβόλιμος — это

⁸ Этот фрагмент был найден Л.И. Альбаумом при раскопках Фаязтепа, но не отмечен в его публикациях. Инв. номер 274/8.

⁹ Стеблин-Каменский 1981. С. 333.

¹⁰ Pidaev, Annaev, Fussman 2011. P. 47–52.

¹¹ Assar 2003. P. 179–180; Sellwood 1982, type 65.

надпись кхароштки на так называемом Traṣaka reliquary из Гандхары, впервые опубликованном Ж. Фюссманом.¹² По мнению Х. Фалька, во второй надписи на внутренней стороне реликвария приведена дата *dua-satati-śadama gurpiya yambulima masa saste 4-4* (“one-hundred-seventy-second (year), intercalary month Gorpiaios, day 8”), которую он относит со 125 г. н.э. по эре Аза.¹³

Отметим, что для Гандхары и Индии в целом это единственная надпись, в которой употреблено слово *embolimos* (*yambulima*). В отличие от Парфии, ни в Гандхаре, ни в Бактрии это слово не отмечено на монетах — ни индо-сакских, ни индо-парфянских, ни кушанских правителей.

Согласно нашему мнению, основанному на археологических и нумизматических находках, а также на сведениях Истории Старшего Дома Хань, парфяне захватили долину Амударьи (Окса), вероятно, вплоть до Термеза включительно уже при Ороде II, а возможно и ранее, тогда как кушаны завоевали эту часть долины Амударьи, также как и всю Северную Бактрию только при Сотере Мегасе (Виме Такто)¹⁴ (самые ранние монеты, обнаруженные на Фаязтепа, относятся к чекану этого кушанского царя¹⁵).

Исходя из вышеприведенных данных, можно полагать, что буддийский монастырь Фаязтепа был возведен в I в. н.э., возможно, еще при парфянах, владевших этой частью Бактрии, по-видимому, до середины I в. н.э., т.е. до завоевания ее кушанами при Сотере Мегасе (Виме Такто). Возможно и парфянское участие в распространении в этой части Северной Бактрии принятого в Парфии македонско-селевкидского календаря. Об этом говорит и тот факт, что ни в одной из многочисленных надписей на бактрийском языке и надписей, выполненных письмом кхароштки и брахми, найденных в различных районах Бактрии, за исключением надписи из Фаязтепа, слово *εμβόλιμος* не упоминается, тогда как его широкое употребление зафиксировано на территории Парфянского царства во второй половине I в. до н.э. — начале второй половины I в. н.э.

Литература

- Аннаев Дж., Аннаев Т., Горин А. Монетные находки из Фаязтепа // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник в честь П. Бернара. Ташкент, 2010. С. 67–72.
- Болелов С.Б. 2002. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент. С. 41–66.
- Вайнберг Б.И. 1972. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV–V вв. // Буддийский культовый центр в Кара-тепе в Старом Термезе. М. С. 129–154.
- Лившиц В.А. 1969. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М. С. 47–81.
- Лившиц В.А., Кругликова И.Т. 1979. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. М. С. 98–112.
- Пугаченкова Г.А. 1968. К изучению памятников Северной Бактрии // ОНУ. 1968. № 8. С. 26–37.
- Пугаченкова Г.А. 1973. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 78–133.

¹² Fussman 1985. P. 35–42.

¹³ Falk, Bennett 2009. P. 202, 209–210.

¹⁴ Ртвеладзе 2012. С. 139–147.

¹⁵ Аннаев, Горин 2010. С. 67. Еще пять монет Сотера Мегаса были найдены Л.И. Альбаумом при раскопках Фаязтепа.

- Ртвеладзе Э.В. 1974. Разведочное изучение бактрийских памятников на Юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л. С. 87–106.
- Ртвеладзе Э.В. 1984. Кушанская крепость Кампыр-тепе (исследования и открытия) // ВДИ. 1984. № 2. С. 87–106.
- Ртвеладзе Э.В. 2002. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент.
- Ртвеладзе Э.В. 2002а. Надписи и знаки Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент. С. 101–109.
- Ртвеладзе Э.В. 2006. К итогам стратиграфических исследований на городище Кампыртепа в 2002–2005 гг. // МТЭ. Вып. 5. Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. Ташкент, 2006. С. 3–8.
- Ртвеладзе Э.В. 2012. Великий индийский путь. Из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб., 2012.
- Ртвеладзе Э.В., Устаев Ш. 2004. Тамариск в обрядах населения Сурхандарьи // Ўзбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва ёндашувлар. Ташкент. С. 178–183.
- Ставиский Б.Я. 1978. Кушанская Бактрия. М.
- Стеблин-Каменский И.М. 1974. Флора иранской прародины // Этимология 1972. М. С. 138–140.
- Стеблин-Каменский И.М. 1981. Бактрийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М. С. 314–346.
- Тургунов Б.А., Лившиц В.А., Ртвеладзе Э.В. 1981. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме (Предварительное сообщение) // ОНУ. № 3. С. 38–48.
- Хумбах Х. 1972. Кара-тепе — Точи — Сурх-Котал // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М. С. 122–128.
- Assar G.R.F. 2003. Parthian calendars at Babylon and Seleucia on the Tigris // Iran. Vol. XLI. P. 171–191.
- Bartholomae Ch. 1961. Altiranisches Wörterbuch. 2. unveränderte Auflage. Berlin.
- Falk H., Bennett Ch., 2009. Macedonian intercalary months and the era of Azes // AOr: 70. P. 197–215.
- Fussman G. Documents Épigrahpiques Kouchans // BEFEO, LXI. Paris, 1974. P. 1–76.
- Fussman G. Nouvelles inscriptions Śaka (III) // BEFEO, LXXIV. Paris, 1985. P. 35–42.
- Gershevitch I. 1966. The Well of Baglan // AMN.S. Vol. XII. Pt. I. P. 90–109.
- Göbl R. 1967. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. II. Wiesbaden.
- Henning W.B. 1960. The Bactrian inscription // BSOAS. Vol. 23. Pt. 1. P. 47–55.
- Konow S. Mathura Brahmi inscription of the year 28 // Epigraphia India, XXI, 1931/32.
- Pidaev Sh., Annaev T., Fussman G. Monuments Bouddhiques de Termez / Termez Buddhist Monuments. Paris, 2011.
- Rtveladze E.V. 1994. Kampyr-tepe: Structures, Written Documents and Coins // BAI. N.S. Vol. 8. 1994. P. 141–154.
- Sellwood D. An introduction to the coinage of Parthia. London, 1982.
- Sims-Williams N. 1973. A Note on the Bactrian Syntax // IF. Bd. 78. P. 95–99.
- Sims-Williams N. 2007. Bactrian Documents from Northern Afghanistan II (CII. Pt. II. Vol. III). Oxford.
- Sims-Williams N. 2010. Bactrian Personal Names (IPNB II/7). Wien, 2010.
- Sims-Williams N., Cribb J. 1995/6. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // SRAA 4. P. 75–142.

Summary

The present paper deals with publication of some little-known or completely unknown inscriptions in Bactrian script in Bactrian language. They are discovered on a series of archaeological monuments located in Surkhan-darya province of Uzbekistan. These inscriptions are of great importance because they preserve some words otherwise unattested in Bactrian lexicon.